

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 68–77

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 68–77

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-68-77>, EDN: VBIAIW

Научная статья

УДК 811.161.1'282.3'38'42

Жанры похвала и осуждение в диалектной коммуникации (на материале Саратовского диалектологического корпуса)

Ю. В. Каменская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Каменская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории
языка и прикладной лингвистики, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Аннотация. Статья посвящена структурным и функциональным параметрам жанров *похвала* и *осуждение* в диалектном дискурсе. Значимость данных жанров в структуре диалектных текстов, записанных в ходе диалектологических экспедиций, обусловлена тем, что они актуализируются, как правило, диалектоносителями, то есть максимально приближены к диалектной коммуникации в естественных условиях. Материал, на котором проводится исследование – два подкорпуса Саратовского диалектологического корпуса (говор с. Белогорное и говор с. Земляные хутора) – позволяет сделать объективные выводы, которые могут быть распространены на диалектную коммуникацию в целом. В ходе исследования удалось установить специфику основных компонентов анализируемых оппозитивных жанров. Так, было выявлено, что субъектом оценки в жанрах *похвала* и *осуждение* является сам диалектоноситель; в жанре *осуждение* частотны случаи совпадения субъекта и объекта оценки, а в жанре *похвалы* такие совпадения единичны. Была определена зависимость объекта отрицательной и положительной оценки от референтной ситуации. Анализ основания оценки в исследуемых жанрах показал многоаспектность факторов – моральные и нравственные качества, особенности поведения, нормы речевого этикета. При рассмотрении многочисленных случаев одновременной реализации жанров *похвала* и *осуждение* было выявлено, что это обусловлено актуализацией концептуальной оппозиции «свой-чужой», причем основным проявлением данной оппозиции для анализируемых жанров явились поколенческие различия в восприятии социальных, моральных и этических норм. В заключении сделан вывод о значимости жанров *похвала* и *осуждение* для реконструкции современной диалектной системы ценностей.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, речевые жанры *похвала* и *осуждение*, Саратовский диалектологический корпус

Для цитирования: Каменская Ю. В. Жанры похвала и осуждение в диалектной коммуникации (на материале Саратовского диалектологического корпуса) // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 68–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-68-77>, EDN: VBIAIW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genres of praise and condemnation in dialect communication (based on Saratov Dialectological Corpus)

Ju. V. Kamenskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Julia V. Kamenskaya, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Abstract. The article with the structural and functional parameters of the genres of praise and condemnation in dialectal discourse. The importance of these genres in the structure of dialect texts recorded during dialectological expeditions is determined by the fact that they are actualized, as a rule, by dialect speakers, that is, they are as close as possible to dialect communication in natural conditions. The basis of the research is two subcorpora of Saratov Dialectological Corpus (the dialect of the village Belogornoe and the dialect of the village

Earthen farms) which allows us to draw objective conclusions that can be extended to dialect communication in general. In the course of the research, it was possible to establish the specifics of the main components of the analyzed oppositional genres. Thus, it was revealed that the subject of evaluation in the genres of praise and condemnation is the dialect speaker himself; in the genre of condemnation, cases of coincidence of the subject and the object of evaluation are frequent, and in the genre of praise such coincidences are rare. The research determines the dependence of the object of negative and positive assessment on the reference situation. The analysis of the basis of assessment in the studied genres showed a variety of factors – moral and moral qualities, behavioral characteristics, norms of speech etiquette. When considering numerous cases of simultaneous realization of the genres of praise and condemnation, it was revealed that this is due to the actualization of the conceptual opposition “friend and foe”, and the main manifestation of this opposition for the analyzed genres were generational differences in the perception of social, moral and ethical norms. It is concluded that the genres of praise and condemnation are important for the reconstruction of the modern dialectal value system.

Keywords: communicative dialectology, speech genres praise and condemnation, Saratov Dialectological Corpus

For citation: Kamenskaya Ju. V. Genres of praise and condemnation in dialect communication (based on Saratov Dialectological Corpus). *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 68–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-68-77>, EDN: VBIAIW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследование системы речевых жанров диалектной коммуникации, их функционирование в дискурсе были обозначены В. Е. Гольдиным как одна из центральных задач коммуникативной диалектологии [1]. Описание речевых жанров диалектного дискурса в различных аспектах началось в первое десятилетие XXI в. Объектом исследования становилась как система речевых жанров, свойственная отдельной диалектной личности [2–4], так и система жанров в структуре диалектного текста [5–7]. Активно исследовались комплексные речевые жанры, свойственные диалектной коммуникации – например, жанр «рассказ-воспоминание» [8, 9]. Е. А. Штехман и Н. Д. Федяева предлагали анализировать высказывания о человеке внутри жанров «воспоминание» и «портретирование», справедливо указывая на то, что жанр «портретирование» дает диалектоносителю возможность оценить (положительно или отрицательно) объект повествования, особенности его внешнего вида, поведения и т. д. [10].

В работах С. В. Волошиной и Т. А. Демешкиной речевые жанры рассматриваются в концептуальном аспекте, как инструмент, позволяющий выявить «ключевые концепты той или иной культуры и ценностную картину мира» [11: 14]. В этом ключе интересны работы, посвященные описанию отдельных жанров, как универсальных [12], так и специфических жанров диалектной коммуникации – например, речевой жанр «рассказ о ремесле» [13], речевой жанр «потчевание» [14] и т. д.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют работы, посвященные выявлению специфики функционирования группы жанров – например, статьи ученых томской диалектологической школы, посвященные ритуальным жанрам [15, 16]. При обращении к группе жанров становится возможным определить интегральные и дифференциальные признаки описываемых жанров, их место в структуре дискурса.

Представляется необходимым продолжать работу по изучению речевых жанров диалектной коммуникации как в формате описания отдельных жанров, так и моделирования речевых жанров системы диалекта как особой страты национального языка. Такой анализ может продуктивно осуществляться на материале текстовых корпусов, позволяющих выполнить исследование на большом массиве текстов и получить объективные результаты.

Цель данной статьи – рассмотреть функционирование жанров *похвала* и *осуждение* в диалектном дискурсе.

Материалы и методика

Наша работа ведется на материале Саратовского диалектологического корпуса (СарДК), включающего записи, выполненные в ходе диалектологических экспедиций (в том числе – в рамках студенческих практик). Принципы формирования Саратовского диалектологического корпуса состоят, в частности, в применении различных типов разметок текстового материала – морфологической, а также жанрово-тематической [17, 18]. В работе исследуются два подкорпуса СарДК, формирующиеся из текстовых

материалов двух среднерусских говоров Саратовской области – говора села Белогорное Вольского района и говора села Земляные хутора Аткарского района. Обращение к материалам двух говоров, имеющих значительные структурные отличия (говор села Белогорное имеет севернорусскую основу, говор села Земляные хутора – южнорусскую) и функционирующих в различных социокультурных условиях, позволяет обобщить полученные результаты и говорить об их актуальности для диалектной коммуникации в целом.

Репертуар речевых жанров диалектной коммуникации достаточно разнообразен. Как указывают О. Ю. Крюкова и В. Е. Гольдин, «эмпирико-событийный характер познавательной деятельности определяет и жанровую специфику диалектного общения, в котором предпочтение отдается “фабульным” жанрам. Словесные произведения на диалекте – это прежде всего рассказы о событиях в прошлом и настоящем (реальных и мифических)» [19: 134]. Исследование фабульных, информативных жанров широко представлено в диалектном жанроведении – например, подробно и всеобъемлюще проанализирован жанр автобиографического рассказа [20] и жанр мифологического рассказа [21]. Вместе с тем, сам характер сбора материала – свободная беседа (с заметным преобладанием развернутых монологических реплик информантов-диалектоносителей) – предопределяет большое разнообразие фатических жанров. Жанры начала и завершения коммуникации, поддержания контакта, создания общего эмоционального тона общения актуализируются, безусловно, диалектологом, заинтересованным в получении качественного материала. Тем не менее, велико разнообразие фатических жанров, актуализируемых непосредственно диалектоносителем. Вероятно, не все жанры реализуются в том же объеме и в той же форме, что при естественном общении между носителями диалектной культуры, но диалектологи прилагают обычно максимальные усилия для обеспечения естественности общения в условиях коммуникации, имеющей межкультурный характер.

Думается, что для диалектного дискурса в естественных условиях значимыми становятся жанры *похвала* и *осуждение*. Прежде всего, это именно те жанры, которые иницируются диалектоносителями, а не диалектологами (в отличие, например, от жанра «автобиографический рассказ», «рассказ-воспоминание» и т. д.). Важно и то, что исследование данных жанров позволяет выявить ценностную шкалу диалектного социума, определить, что становится объектом

оценки, что является основанием оценки, какие лингвистические средства используются в рамках этих жанров. Именно при актуализации жанров *похвала* и *осуждение* в речи диалектоносителей эксплицируются поведенческие и этикетные нормы социума.

Жанры положительной и отрицательной оценки в речи носителей литературного языка часто становятся объектом изучения. Интерес исследователей фокусируется на анализе жанров положительной [22–24] и отрицательной [25, 26] оценки, выявлении специфики отдельных жанров в их сопоставлении со смежными и синонимичными жанрами. Ряд работ посвящен рассмотрению оппозиций оценочных жанров, например – *похвалы* и *порицания* [27, 28]. Исследователи справедливо указывают на сложность разграничения жанров положительной (например, *похвала*, *одобрение*, *лесть* и т. д.) и отрицательной (например, *неодобрение*, *осуждение*, *порицание* и т. д.) оценки. Для нас при выборе оппозитивной, антонимичной пары оценочных речевых жанров важными факторами явились симметричный уровень степени выражения эмоций, широкий спектр основания оценки и нерелевантность социального статуса субъекта оценки. Для жанров *похвала* и *осуждение* оказались свойственны высокий уровень выражения эмоций (к примеру, жанры *одобрение* и *неодобрение* эмоционально нейтральны); разнообразие оцениваемых норм – моральных, нравственных, этикетных, поведенческих; а также отсутствие иерархического превосходства у оценивающего субъекта (например, в жанре *порицание* субъект должен быть выше по статусу, а при реализации жанра *лесть* – напротив, ниже).

Типологические особенности исследуемых жанров трактуются исследователями различно. Если отнесение этих жанров к оценочным не подвергается сомнению, то характеристика их как информационных или фатических является дискуссионной. Нам здесь близко рассуждение В. В. Дементьева об условности деления жанров на информационные и фатические, поскольку разные по природе жанры могут быть носителями и фатического, и информационного начала [29]. Особенно это, на наш взгляд, актуально для функционирования жанров в разговорной, в том числе диалектной, речи. Как показывает наш материал, жанры *похвала* и *осуждение* в различных коммуникативных ситуациях будут реализовываться как интенцию поддержания контакта, так и участвовать в передаче значимой информации.

Структурные и функциональные параметры жанров похвалы и осуждения

Жанры похвалы и осуждения представляют собой концептуально оппозитивные жанры. Оба жанра содержат оценку поступка/ поведения кого-либо с намерением вызвать у собеседника определенную эмоциональную реакцию. Противопоставление идет прежде всего по шкале оценки: в жанре похвалы оценка мелиоративная, в жанре осуждения – пейоративная. Остальные компоненты жанров тождественны: это субъект оценки, объект оценки, описание поступка или поведения объекта оценки, основание оценки. Данные компоненты в рассматриваемых жанрах могут проявляться не в полном объеме, эксплицироваться в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Оппозитивный характер исследуемых жанров подтверждается частотностью их одновременной актуализации в диалектном тексте.

1. **Субъектом оценки** в обоих жанрах является автор текста, диалектоноситель:

- *вы девчонки хороши/ молодцы// щас/ молоденьки/ а стары-то будете и/ маслявые/ старые/ ничо и помнить не будете/ как я*
- *да какой он председатель! Только бы себе всё/ и машину/ и всё// а что колхоз/ да и нет уже колхоза!*

Случаи, когда субъектом оценки является не сам диалектоноситель, а другой человек, в нашем материале чрезвычайно редки:

Он жену прижал/ она пришла его ругать/ а он прижал в кабинете// Она кричит/ «Спасите»// А там девчата были/ ну сотрудики никто не мог// А она вышла ей/ ну просто вот не по себе// Она говорит/ «Фу какие бесстыдники»// ну по-матерки/ понятно/ «Ботитесь защитит женщину»// И она пошла её/ взяла// «Ну мама ты понимаешь я не выдержала уже// «Они/ говорит/ бесстыдники такие/ говорит/ слышат и не могут помочь женщине// Он её в окно хотел выбросить»//

В этом примере информант передает чужую оценку неких событий, используя прямую речь. Вероятно, реализации жанра осуждения в речи диалектоносителя способствует и близость отношений информанта и автора высказывания (мать и дочь).

Нередко информант при актуализации этих жанров относит себя к какой-либо группе людей, что позволяет усилить свою точку зрения, опереться на коллективный опыт:

у нас эти люди у нас эти вот/ эдаки/ вот мы православные/ мы всё дозволяем// мы дадим и пить/ и покормим/ и чего кто попросит всё даем// а у кулугур/ у них особо/чашку они воды не дадут

Здесь автор высказывания является субъектом оценки как представитель определенной группы (*православные*). Интересно, что в данном контексте автор и группа, с которой она себя идентифицирует, являются одновременно и объектом положительной оценки. Положительно оцениваются особенности бытового поведения членов группы, подчеркивается правильность и типичность действий, устойчивость данной модели поведения. В приведенном нами примере жанр похвалы противопоставлен жанру осуждения. Объектом отрицательной оценки становится группа людей, принадлежащих другой конфессии (*кулугурами* в данном говоре именуют людей, исповедующих старообрядческую веру).

Субъект похвалы может быть выражен имплицитно:

Ну/ церковь по праздникам/ и у нас нет своего батюшки/ к нам ездил с города Вольска Михаил-отец// Уж больно хороший был// Почему-то не стал ездить// Сейчас дали с Черкасского батюшку// Я ни разу не видала/ ни разу не была//

Объект похвалы – батюшка Михаил – получает прямую положительную оценку (*Уж больно хороший был*). Имплицитно выражен субъект оценки – автор текста и та часть социума, к которой автор себя причисляет. В данном контексте не эксплицировано также основание оценки, дается общая положительная оценка поведения. В отличие от вышеприведенного примера другой объект («батюшка с Черкасского») не становится оппозитом, не противопоставляется объекту оценки, жанр осуждения не актуализируется.

При актуализации жанра осуждения субъект отрицательной оценки может совпадать с объектом оценки:

И вот весь день на диване валяемся/ на кровати всё вот так// Вот у меня сейчас вот так вот/ а я так не люблю// Убрал-ка постель/ пусть она убрана// А они в городе так/я вот была у сына/ вот то и дело валяются// А что делать больше/ правда? Телевизор глядят лёжа// Ох/ девчонки//

Автор текста – субъект и объект оценки – отрицательно оценивает свое бытовое поведение, бытовые привычки по параметру «такое, как у “городских”». Здесь наблюдается реализация базовой концептуальной оппозиции «свой-чужой» посредством актуализации частного противопоставления «город-деревня».

Случаи, когда автор текста одновременно является субъектом и объектом оценки внутри жанра похвалы, в нашем материале встречаются нечасто:

-наказывали Вас?

-за что же нас наказывать, мы умные были, помощницы

Вероятно, это обусловлено этикетными требованиями диалектного дискурса, не допускающими самовосхваления, активной положительной самопрезентации.

2. Объект оценки в рассматриваемых жанрах ситуативно и функционально обусловлен. Жанр *похвалы* актуализируется для положительной оценки действий как человека, находящегося внутри референтной ситуации (например, собеседника), так и вне ее:

-Володин об нас позаботился/ Вы его знаете? Может, понаслышке? Наш земляк// Ну и все// Уж больно нам вот сделал хорошо// И администрацию-то двухэтажную/ и садик какой/ церковь// Клуб сейчас ремонтируют вот... А родник! Подите в родник на той стороне/ какой/ говорят/ сделали....

Диалектоноситель положительно оценивает деятельность федерального политика, который в детстве жил некоторое время в селе Белогорном, перечисляя все появившиеся благодаря В. В. Володину объекты.

Жанр *осуждения* в нашем материале, как правило, связан с объектом, находящимся вне референтной ситуации:

- Я до года своих ничем не кормила// Мы женщины/ грудь-то нам для чего дана/ чтоб детей кормить! А вы щас на эту/ вон она/ как её всё рекламируют/ всё на детское питание/ она щас/ конечно/ дорогая/ ну// а зачем ты не стала кормить?/ почему она у ты искусственница?

- Что, совсем мало кормила?

- Да совсем/ наверно/ не кормила! Зато мама у ней медсестра// А я таких женщин не понимаю/ как это так/ дитя не кормить// Зачем рожала?/ Зачем замуж выходила?

В вышеприведенном примере информант осуждает женщину, о которой рассказывает. Показательно, что в рассказ вплетается воображаемый диалог с объектом осуждения, используются вопросительные конструкции, прямое обращение («а зачем ты не стала кормить?/ почему она у ты искусственница?»). Норма поведения, нарушенная объектом осуждения, отражена в повествовании примером поведения информанта в схожей ситуации (*Я до года своих ничем не кормила// Мы женщины/ грудь-то нам для чего дана/ чтоб детей кормить!*).

Вероятно, нахождение объекта осуждения вне референтной ситуации нельзя считать специфической чертой диалектного дискурса, но можно объяснить особенностями коммуникативной ситуации: диалектоноситель воспринимает своих собеседников внутри оппозиции «свой-чужой» и соблюдает определенные эти-

кетные требования. Нередко данная речевая стратегия может вербализоваться:

- а вы ить/ я и говорю/ вас настроили только ногти красить да кудри вить/ да головы красить/ да глаза синяками мазать (...)

[смеется] // я вообще на свою-то всё ругаю/ Надюшку// я говорю/ «да уж ты так-то хорошая/ а синяки-то намажешь этой...//

Информант осуждает общие, как она считает, отрицательные привычки группы «молодежь» (интерес только к своей внешности, ее улучшению – «только ногти красить да кудри вить/ да головы красить/ да глаза синяками мазать»), используя местоимение второго лица множественного числа «вас настроили». Но когда диалектолог оправдывается, говоря, что у нее «свои кудри», информант уточняет, что всё сказанное адресует не собеседникам, а, например, своей внучке (*я вообще на свою-то всё ругаю/ Надюшку!*).

Вместе с тем, эта закономерность может нарушаться в тех случаях, когда информант не первый раз беседует с диалектологами, чувствует к ним расположение, включает их в группу «своих»:

вот ты бы надела вот/ степенно-то платьице/ и хорошо б/ а то вы вышли оттуда вот от этой/ от Валентины-ти/ а соседка-то/ со мной стоит и говорит/ «а чё это/ мужик-то вот с ними?»// (смеется) на вас// а я мол/ «да это не мужик/ это я мол женщина»// вот ведь чёго// вот она и/ хорошо гляди/ там написано/ «оденься говорит по образу/ по подобию»// а это что это? это сам дьявол// оне вон и в этих показывают/и рога/ и хвосты/ и всё – самый дьявол// кто больше? в штанах пройдет женщина/ а? да это/ когда это было? поднять бы теперь наших родителей/ или наших дедов-прадедов – о-о-ой!

Здесь мы наблюдаем типичное для такой ситуации совмещение жанров *осуждения* и *поучение, наставление*. Такое сочетание обусловлено характером адресата: беседу с диалектоносителем проводят студентки и молодой преподаватель, которые воспринимаются в силу возраста как объект передачи необходимых знаний, объект воспитания и усвоения норм социума. В функции обязательного компонента жанра поучения – апелляция к коллективному опыту – в приведенном примере выступают религиозные установки и опыт предков как эталон социальной нормы.

Проявление оппозиции «свой-чужой» при реализации жанров *похвала* и *осуждение* тес-

но связано с характером отношений объекта и субъекта оценки:

Если ругаю/ только сына// Я сноху никогда не ругаю// У вас если есть сын/ нет/ то поругайте сына// Никогда я ничего не говорю снохе// Серьезно// Потому что сноха эта/ обидится/ а сын он никогда не обидится/ он всегда простит// Ругайте сына за его недостатки/ а сноху не ругай//

Информант в вышеприведенном примере противопоставляет родного человека и родственника «по закону» (сына и сноху), указывая, что жанр осуждения можно применять только по отношению к родному человеку, чтобы не испортить отношения (*Потому что сноха эта/ обидится/ а сын он никогда не обидится/ он всегда простит//*). Примечательно, что это правило, по мнению информанта, актуально не только в его личной ситуации, но и должно быть экстраполировано на отношения между людьми во всех семьях.

Часто объектом отрицательной оценки выступает определенный типаж, человек как представитель социальной группы:

...гляжу/ идут/ в одних трусах/ да бабтюшки/ да что уж это! девушка!.. не/ девушка уж ладно/ простительно/ всё девушка/ а то – женщина! имеет двух детей/ сын/ дочь/ и она эдак идёт/ а? срамба! разве Бог там будет терпеть?

Здесь информант актуализирует жанр осуждения по отношению к определенному человеку, односельчанке, но в контексте общего обсуждения современных женщин ее возраста. Основание отрицательной оценки – осуждение поведения, не соответствующего возрастной норме и социальному статусу. Неприемлемое для автора высказывания поведение номинируется с помощью экспрессивного окказионализма «срамба!». Важность соблюдения социальных норм обусловлена моральными нормами и подкрепляется обращением к высшему авторитету – Богу.

Объект в жанре осуждения далеко не всегда эксплицирован, часто это не конкретизируемая группа людей, не объединенная по какому-либо четко определенному признаку:

Да ну и в телевизоре вон/ видишь/ все стыды// Что бы не надо... Вот уж «Семеновна»-то шла/ слышали разок? Вот стыдища-то! Это вот копия я/ вот я такие пела... А... Вот стыдища-то// Ну ведь я-то пела в своем народе/ своя гулянка/ а это-то – по всей России такое// Но отменили/ слава Богу// Мне-то стыдно было// Ну и хорошо, отменили//

Основанием отрицательной оценки становятся поведенческие особенности, приписываемые неопределенной группе людей, которые противопоставлены субъекту оценки по возрастному, поколенческому признаку. Основанием пейоративной оценки становится несоответствие поведения неопределенной группы людей моральным нормам, а также ситуативно обусловленным нормам поведения – противопоставление норм частной жизни и ситуации публичного общения. Показательно, что субъект оценки отрицательно оценивает и свои похожие действия, но оправдывает себя тем, что ее поведение соответствовало ситуативной норме.

3. Основание оценки при реализации жанров похвала и осуждение в нашем материале представлено широким кругом морально-нравственных и этикетных проблем, а также поведенческих сценариев.

Поведенческие особенности группы людей, в том числе – на речевом уровне – чаще всего в нашем материале становятся основанием отрицательной оценки и актуализируют жанр осуждение в речи информантов:

- *да ну уж чо ж/ идет эт вот/ мода пошла юбки в разрез/ здравствуй и прощай// идет/ прям аж стыдно// ну почему эт так?// ну сделай ты разрез маненько подходящий/ а эт до пупка*
- *щас если уж разругаются и не разговаривают и не подходят друг к дружке// а вот раньше народ был проще// вот оне я помню много захватило все ходили и разговаривали и как-то разговор-то и оне никогда не обижались/ вот правду скажешь и никогда не обижались// а сейчас скажешь правду и уже всё/ обида какая-то и всё/ раньше народ был проще// намного был проще/ не как сейчас//*
- *раньше народ был/ и/ и более и Бога боялись/ и людей стыдились/ это всё было/ да/ а сейчас нет/ сейчас что угодно друг другу/ и нагрубят/ и ничё не стало/*

Диалектоносители старшего поколения негативно оценивают одежду и внешний вид более молодых групп населения, манеры разговора, использование обсценной лексики и т. д. Специально указывается на отсутствие в современной жизни социальных и этических норм, которые были в прошлом (*раньше народ был/ и/ и более и Бога боялись/ и людей стыдились*), а также на усложнение социального взаимодействия, разъединяющее людей (*щас если уж разругаются и не разговаривают и не подходят друг к дружке// а вот раньше народ был проще*).

Одновременная экспликация жанров похвала и осуждение наблюдается при актуализации внутри оппозиции «прошлое/насто-

ящее», реализующей базовую концептуальную оппозицию «свой/чужой». Как правило, в диалектном дискурсе объектом похвалы является социальное поведение, которое описывается диалектоносителем как типичное для социума в годы молодости информанта. Объект осуждения – поведение, типичное для современного социума:

- Ну а раньше молодежь послушнее была?
- Ну конечно!// совести было...
- Намного лучше!//
- а сейчас?// безобразия! //
- Сейчас... похабна/ похабна!//
- Ладно/ как говорится/ вечером там.../ влюбляются целуются обнимаются// ну днём-то вот...// сидят и вот смотри на них// обнимаются/ целуются/ ой!//
- Раньше такого не было безобразия...//
- Мода такая...//
- Ну дружили раньше тоже/ вечером/ никак... чтобы днём!//
- Да мы дружили с мужуком-то/ и родители никто не знали/ что мы дружим// втихомолку// кода придёт/ кода не придёт// некогда!//
- А сейчас это.../ девчонка... ходит сама!//
- Ну мы на работе были!// работали/ а сейчас не работает/ молодежь// где ж тебе они будут... не дружить?// они на речку идут вместе...//

В данном полилоге представлены разнообразные основания отрицательной оценки: отсутствие моральных ориентиров по сравнению с поколением информантов (совести было... Сейчас... похабна/ похабна); неодобряемое поведение, демонстрация любовных отношений (Ну дружили раньше тоже/ вечером/ никак... чтобы днём!); безделье современной молодежи (Ну мы на работе были!// работали/ а сейчас не работает/ молодежь) и т. д.

4. Языковые средства реализации жанров похвала и осуждение. Анализ используемых диалектоносителями языковых средств в рамках жанров похвала и осуждение показал их несимметричный характер, различие в составе и частотности.

Маркирующими языковыми средствами при реализации жанра похвала являются, безусловно, лексемы с яркой положительной коннотацией. Активно используются наречия, существительные, но преобладают прилагательные:

- а дед-то с бабкой.../ у нас предки были.../ как говорится/ **желанные!**// можно так что ли выразиться// они для себя не жили// они что есть всё детям
- «Дыхно»/ фамилия его была/ он был еврей// да// ну **добрый** такой мужик/ **справедливый!**

- они у меня **хорошие** родители были!// **очень хорошие!**// они никогда матом не ругались// и всем помогали.

При реализации жанра осуждения появление оценочных прилагательных наблюдается значительно реже, активно используются наречия и существительные со значением моральной оценки («стыдно», «бесстыдники», «похабно» и т. д.). Частотный языковой маркер данного жанра – использование отрицательных конструкций, что обусловлено основанием отрицательной оценки – несоответствие поведения объекта осуждения нормам социума:

- вот я гляжу вот/ мой сосед за горой придёт пьяный/ я вот там/ Серёж/ я прожила вот мне будет/ пятого// этого// августа мне будет уже семьдесят лет/ я грю я прожила семьдесят лет я **такой мат не слышала!**
- сын/ у него вот своя машина/ легковая/ «девятка»/ он сам приезжает сюда/ вместе всю свою семью посадит/ приедет// вот/ а **дочь не ездит!** говорит/ «мать там заставляет работать/ а я не могу работать/ солнышко светит и комары кусают»

Интересный способ актуализации жанра осуждение – уподобление объекта оценки отрицательному персонажу (реальному историческому лицу или вымышленному герою):

- Я даже **раньше председателей** вспомню!// Был у нас/ фамилия его Бурмистров был!// Это/ наверное/ он **Гитлеру был помощник!**// Этот самый Бурмистров// Все люди голодовали/ хлеб был много/ и он не давал!// Он прямо сказал/ «Я вас с лица земли сотру»// Вот потому-то и голодовали!//

5. Речежанровая рефлексия. В речи диалектоносителей нечасто появляются метаязыковые высказывания, в которых эксплицируется использование жанров похвала и осуждение. Более явно это проявляется в рамках реализации жанра похвалы, когда информанты используют однокоренные глаголы «хвалить», «похвалить» для номинации своих речевых действий:

- а вот **Надю** (социальный работник) я **похваляю!**// и заботливая/ и здороваётся всегда/ веселая
- я детей всегда **хвалила!** и **хваляю!**// и внуков **хваляю!** они приезжают/ не забывают!// вот скоро опять жду/ приедут

Экспликация жанра осуждения осуществляется редко, глагол «осуждать» и однокоренные слова при актуализации этого речевого жанра не используются, но нами зафиксированы такие глаголы, как «ругать» и «пробрать»

/пробирать» в функции номинации жанра осуждение:

- *да щас и ругать никто не будет/ если с парнем по улице идешь/ а мы просто так не ходили/ стеснялись// как-то больше стеснялись тогда*

В нашем материале зафиксированы случаи самонаблюдения, рефлексии информанта над тем, как реализуются или, напротив, не реализуются исследуемые речевые жанры:

Я вот все хотела написать/ по «Маяку»-то вот/ вот в концерте это// Хотела пробрать их/ что позабыли песни «Белым снегом»/ «Огней так много золотых у Саратова»/ «Называют меня некрасивую»// Никогда ничего не передадут вот по заявкам-то// Ну вот самые песни// Это уже мы тоже их выучили/ пели// «Вологду»/ например/ ну «Вологду» тут как-то раз слышала// И вот такие песни все они ничего не поют/ вот// Во начнут «ля-ля-ля-ля»// Это вот все молодежно// Ну не посмела/ а то я бы пробрала//

Информант сообщает, что хотела актуализировать речевой жанр осуждение. Для номинирования этого жанра она использует лексику «пробрать/ пробирать». Дialeктоноситель объясняет отсутствие реализации интенции тем, что это потребовало бы от нее актуализации непривычной социальной роли и вступление в коммуникацию вне рамок привычной ситуации (*Я вот все хотела написать/ по «Маяку»-то вот/ вот в концерте это// Хотела пробрать их/ (...) Ну не посмела/ а то я бы пробрала//*).

В ситуации совпадения субъекта и объекта оценки при фактической актуализации речевого жанра похвалы, как правило, информант отрицает использование этого жанра:

Всё в огороде было/ хрен/ всё-всё сажала я// хвалиться не буду/ соседи всё знают/ ну говорят у неё всё есть// чеснок наса-

жу/ не хожу/ эти вот таблетки/ как уж их называют/ в огурцы-то клала/ всё с осени запасаю/ а када сезон придет ничё не найдешь/ уже/ но говорят ты хитрая/ будешь хитрая если нада чё тебе/ и ты будешь хитра/ я не хожу по соседям не прошу// а всё своё//

Здесь информант отрицает реализацию жанра похвала по отношению к самой себе, используя для именования жанра возвратный глагол «хвалиться» (*хвалиться не буду*). Для подтверждения своей положительной самохарактеристики диалектоноситель субъектом оценки делает неопределенный круг людей, актуализируя тактику апелляции к авторитету, мнению социума (*соседи всё знают/ ну говорят у неё всё есть//*).

Заключение

Таким образом, функционирование речевых жанров похвала и осуждение в диалектном дискурсе происходит параллельно, нередко наблюдается их взаимодействие и одновременная актуализация. Системная противопоставленность данных жанров обусловлена тем, что оба жанра, будучи оценочными, активно участвуют в реализации базовой концептуальной оппозиции «свой-чужой», наиболее ярко эта оппозиционность проявляется в поколенческом аспекте, противопоставлении реалий современной жизни и времени молодости информантов. Специфика этих жанров в диалектном дискурсе состоит, вероятно, в том, что их актуализация обусловлена социокультурными причинами, стремлением диалектоносителей маркировать социально значимую информацию. Речевые жанры похвала и осуждение помогают реконструировать особенности мировосприятия носителя языка и обусловленность этого мировосприятия принадлежностью к определенному варианту национальной лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
2. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
3. Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 196 с.
4. Лагута Н. В., Панасенко М. А. Информативные и оценочные речевые жанры в речи современной носительницы амурских говоров (на материале записей речи П. П. Ратушкиной) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 11 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2014. С. 141–155.
5. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Структура и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 3. М. : Наука, 2008. С. 414–427.
6. Казакова О. А. Гипержанровая структура дискурса диалектоносителя старшего поколения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 18–31.
7. Большакова Н. В. К вопросу о жанрах диалектной речи // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов : Амрит, 2015. С. 21–26.
8. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72.

9. Оглезева, Е. А. Тематическое своеобразие жанра «Воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. № 2. С. 142–217.
10. Штехман Е. А., Федяева Н. Д. Жанровые особенности диалектных высказываний о человеке: прагматическая специфика диалектного языкового сознания как проявление способов организации чувственной ткани // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21005> (дата обращения: 12.08.2023).
11. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
12. Демешкина Т. А. Жанровое своеобразие высказываний-пожеланий // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. С. Болотова. Томск : Изд-во Том. пед. ин-та, 1995. С. 45–59.
13. Королькова М. Д., Сухачев Н. Л. Рассказ о ремесле как относительно устойчивый речевой жанр (к постановке проблемы) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. № 1, ч. 3. С. 84–92. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-3-84-92>
14. Иванцова Е. В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. С. 269–279.
15. Гынгазова Л. Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур : сб. ст. 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 16–18 марта 2005 г.). Хабаровск : Изд-во ХГТУ, 2005. С. 46–56.
16. Казакова О. А. Ритуальные жанры как отражение национальных стратегий речевого поведения языковой личности // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2011. № 1 (1). С. 611–616.
17. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Диалектный текстовый корпус: проблемы репрезентативности, сбалансированности, единиц хранения и выдачи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017» (С.-Петербург, 27–30 июня, 2017 г.). СПб. : С.-Петерб. ун-т, 2017. С. 231–235
18. Крючкова О. Ю. О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>
19. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2016. № 9-10 (113). С. 133–138.
20. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
21. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации: Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М. : Институт славяноведения РАН, 2018. С. 95–107.
22. Хорешко О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 126 с.
23. Анисимова Т. В., Чубай С. А. Принципы разграничения речевых жанров, выражающих положительную оценку // Неофилология. 2023. Т. 9, № 3. С. 519–533. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-519-533>
24. Темургазина З. К. Речевые акты похвалы и одобрения в педагогическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 97–105.
25. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.
26. Миронова М. В. Конструкции неодобрения и порицания в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2016. 188 с.
27. Дьячкова И. Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. 141 с.
28. Бессонова И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 28 с.
29. Деметьев В. В. Теория речевых жанров : монография. М. : Знак, 2010. 597 с.

REFERENCES

- Goldin V. E. *Theoretical Problems of Communicative Dialectology*. Diss. as sci. report. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 1997. 234 p. (in Russian).
- Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoi yazykovoi lichnosti* [Phenomenon of dialectal linguistic personality]. Tomsk, Tomsk University Press Publ., 2002. 312 p. (in Russian).
- Kazakova O. A. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialectal linguistic personality in the genre aspect]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2007. 196 p. (in Russian).
- Laguta N. V., Panasenko M. A. Informative and evaluative speech genres in the speech of a modern speaker of Amur dialects (based on the speech recordings of P. P. Ratushkina). *Word: Folklore and dialectological almanac*. Arkhipova N. G., Oglezneva E. A., eds. Issue 11. Blagoveshchensk, AmSU Publ., 2014, pp. 141–155 (in Russian).
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Structure and genre features of dialectal text. *Materials and research on Russian dialectology*, iss. 3. Moscow, Nauka, 2008, pp. 414–427 (in Russian).
- Kazakova O. A. Hypergenre structure of the discourse of a dialect speaker of the older generation. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2009, no. 3 (7), pp. 18–31 (in Russian).
- Bolshakova N. V. On the issue of dialect speech genres. Language in the space of speech cultures: In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V. E. Gol'dina*. Otv. red. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin [Kryuchkova O. Yu., Krysin L. P., eds. On the 80th anniversary of V. E. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit, 2015, pp. 21–26 (in Russian).
- Myznikova Ya. V. Communicative features of the dialectal speech genre “Story-memory”. *Bulletin of*

Perm University. *Russian and Foreign Philology*, 2014, iss. 4 (28), pp. 66–72 (in Russian).

9. Oglenezeva E. A. Thematic originality of the genre “Remembrance” in the Russian dialects of the Amur region. *Word: Folklore and dialectological almanac*, 2005, no. 2, pp. 142–217 (in Russian).

10. Shtekhman E. A., Fedyeva N. D. Genre features of dialectal statements about a person: Pragmatic specificity of dialectal linguistic consciousness as a manifestation of the ways of organizing sensory tissue. *Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 2, part. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21005> (accessed August 12, 2023) (in Russian).

11. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. World-modeling potential of speech genre (based on dialectal speech). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14–20 (in Russian).

12. Demeshkina T. A. Genre originality of utterances-wishes. In: *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoi zhanrovo-stilevoi orientatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Otv. red. N. S. Bolotova* [Bolotova N. S., ed. Communicative aspects of the word in texts of different genre-stylistic orientation: Interuniv. coll. of sci. papers]. Tomsk, Tomsk Pedagogical Institute Publ., 1995, pp. 45–59 (in Russian).

13. Korolkova M. D., Sukhachev N. L. A story about a craft as a relatively stable speech genre (towards the formulation of the problem). *Professional Discourse and Communication*, 2019, no. 1, part 3, pp. 84–92 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-3-84-92>

14. Ivantsova E. V. The speech genre of regaling in traditional folk culture. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 7: Zhanr i yazykovaya lichnost'* [Speech genres. Iss. 7: Genre and linguistic personality]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, pp. 269–279 (in Russian).

15. Gyngazova L. G. Ritual genres in the language of a dialect personality. *Russkii yazyk kak sredstvo realizatsii dialoga kul'tur : sb. st. 2-i mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Khabarovsk, 16–18 mart 2005 g.)* [Russian Language as a Means of Implementing a Dialogue of Cultures: Coll. sci. arts of intern. sci.-pract. conf. (Khabarovsk, March 16–18, 2005)]. Khabarovsk, Khabarovsk State Technical University Publ., 2005, pp. 46–56 (in Russian).

16. Kazakova O. A. Ritual genres as a reflection of national strategies of speech behavior of a linguistic personality. *Bulletin of Science of Siberia. Series 9. Philology. Pedagogy*, 2011, no. 1 (1), pp. 611–616 (in Russian).

17. Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E. Dialectal text corpus: Problems of representativeness, balance, storage and output units. *Proceedings of the International Conference “Corpus linguistics–2017” (St. Petersburg, June 27–30, 2017)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2017, pp. 231–235 (in Russian).

18. Kryuchkova O. Yu. On the possibilities of corpus-based study of the worldview of traditional folk culture bearers. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 126–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>

19. Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E. Communicative properties of dialectal speech and the specificity of the dialectal text corpus. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 2016, no. 9–10 (113), pp. 133–138 (in Russian).

20. Voloshina S. V. *Speech Genre of Autobiographical Story in Dialectal Communication*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2008. 26 p. (in Russian).

21. Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Mythological story as a genre of dialect monologue in the modern Russian village. *Studies in Slavic dialectology, iss. 19–20: Slavic dialects in the modern language situation: Dialect dictionary as a method of studying Slavic dialects*. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2018, pp. 95–107 (in Russian).

22. Khoreshko O. N. *Genre Aspect of Positive Assessment of a Person*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 126 p. (in Russian).

23. Anisimova T. V., Chubay S. A. Principles of delimitation of speech genres expressing a positive assessment. *Neofilologiya*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 519–533 (in Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-519-533>

24. Temirgazina Z. K. Speech acts of praise and approval in pedagogical discourse. *Bulletin of RUDN University. Series : Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 97–105 (in Russian).

25. Dubrovskaya T. V. *Pechevye zhanry “osuzhdenie” i “obvinenie” v russkom i angliiskom rechevom obshchenii : monografiya* [Speech genres “condemnation” and “accusation” in Russian and English speech communication: Monograph]. Penza, Penza State University Publ., 2014. 272 p. (in Russian).

26. Mironova M. V. *Constructions of Disapproval and Censure in Modern English*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Arkhangelsk, 2016. 188 p. (in Russian).

27. Dyachkova I. G. *Statements of Praise and Statements of Blame as Speech Genres in the Modern Russian Language*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Omsk, 2000. 141 p. (in Russian).

28. Bessonova I. V. *Speech Acts of Praise and Blame of the Interlocutor in the Dialogical Discourse of the Modern German Language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tambov, 2003. 28 p. (in Russian).

29. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov : monografiya* [Theory of speech genres: Monograph]. Moscow, Znack, 2010. 597 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 04.03.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 08.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 04.03.2025; published 02.03.2026